

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожина Н.Г. (2021) Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 1. С. 176–193.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

Статья поступила в редакцию 01.10.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается история развития националистического по своему характеру движения малайских мусульман, проживающих на юге Таиланда, которое насчитывает уже более полувека и является выражением их самоидентификации в условиях нахождения в чуждой и даже враждебной для них религиозно-культурной и этнической среде и формой протеста против проводимой правительством Таиланда политики их насильственной ассимиляции. Стремление малайских мусульман к независимости, принявшее форму вооруженного сопротивления центральной власти, стало ответной реакцией на маргинализацию их экономического и политического положения и на дискриминационную политику правительства. Сепаратизм как идеология этнонационализма и как политическое движение малайских мусульман, зародившийся еще в 1940-е гг., трансформировался за последние пятнадцать лет в религиозный джихад с сопутствующим ростом насилия. Основу его составляют группировки воинствующих сепара-

тистов, вербующих своих сторонников среди учащих традиционных мусульманских школ. Практически полностью отказавшись от политической деятельности, сепаратисты сконцентрировались на осуществлении актов террора. С появлением ИГИЛ (организация запрещена в России) и ее попытками создать свою базу в мусульманских странах Юго-Восточной Азии возникла угроза перерастания локального конфликта в транснациональный. Однако местные джихадисты демонстрируют дистанцированность от нее, избегая вовлечения в международное террористическое движение, руководствуясь интересами самовывживания и придерживаясь националистической идеологии. Автор отмечает, что, несмотря на ограниченность социальной базы террористических по своему характеру сепаратистских группировок, идея независимости остается широко востребованной в местном обществе. Затяжной характер этнорелигиозного конфликта ставит перед правительством Таиланда задачу по его урегулированию. Попытки подавить се-

паратизм малайских мусульман силовыми методами не дают результата, что побуждает правительство Таиланда искать политические способы разрешения конфликта в рамках переговорного процесса с повстанческими группировками. Однако различия в позициях сторон по существу проблемы осложняют достижение консенсуса. Автор приходит к выводу, что до тех пор, пока тайландское общество будет разделено на «мы» и «они», сохраняется среда для произрастания малайского национализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Таиланд, малайско-мусульманское меньшинство, сепаратизм, националистическое движение, террористические группировки

Националистическое по своему характеру движение малайских мусульман, проживающих компактно на Юге Таиланда¹, где они составляют подавляющее большинство населения, насчитывает уже более полувека и является выражением их самоидентификации в условиях нахождения в чуждой и даже враждебной для них религиозно-культурной и этнической среде и формой протеста против проводимой правительством Таиланда политики их насильственной «таизации» и ассимиляции. Хотя в стране провозглашена свобода вероисповедания, на деле все выходит иначе: небуддисты считаются чуждыми, а значит, и опасными для правительства элементами, поскольку не разделяют принятых для буддистов-тай культурных норм. Отсюда и враждебность по отношению к ним, и желание насильно их таизировать. А для тех, кто исповедует другую религию,

господствующая религия (буддизм) и господствующий этнос (тай) составляют предмет оппозиции. Религиозные конфликты особенно остры и особенно опасны для государства тогда, когда религиозные различия совпадают с этническими и социальными. Примером могут послужить события на Юге Таиланда, где основное население, малайцы, являются одновременно и национальным, и религиозным меньшинством, активно борющимся против тайландского правительства.

Они образуют в составе населения Таиланда обособленную в лингвистическом, антропологическом, этническом и религиозном отношении народность с сильно развитым чувством этнической принадлежности и национального единства, ревниво оберегающую свою религию и культуру. Можно выделить три составляющие их национального самосознания, лежащие в основе идеологии сепаратизма: вера в мощь их прародин – султаната Патани (Паттани); идентификация с малайской этнической группой; религиозная принадлежность к исламу [Chalk 2008].

Идеология этнонационализма малайских мусульман, зародившаяся еще в 40-е гг. прошлого столетия, сохраняет свою живучесть в местном обществе, поскольку не меняется характер его взаимодействия с тайландским правительством, политика которого в отношении национального меньшинства проявляется не только в его насильственной культурно-религиозной «таизации», но и в ограничении политических прав, что усугубляется социально-экономическим неравенством². Свою борьбу с центральной властью малай-

1 Они заселяют приграничные с Малайзией три провинции Таиланда (Яла, Наративат, Паттани) и четыре района провинции Сонгхкла, где на их долю приходится более 90% населения. Их численность оценивается в 1,8 млн человек, доля в составе населения Таиланда – менее 3%.

2 15% местного населения не имеют работы, 1/3 – малограмотны из-за языкового барьера и обучения в религиозных школах, 30% живут за чертой бедности в сравнении с 9,3% в среднем по стране.

ские мусульмане характеризуют как национально-освободительную против тайландского колониализма [Chayathip Weerakajorn 2019].

Северомалайские султанаты, которые попали в вассальную зависимость от Сиам еще в XIV в., были окончательно присоединены к нему лишь в 1909 г., после подписания Англо-Сиамского договора. По мнению борцов за независимость этих территорий, их насильственное присоединение к Таиланду означало не только утрату национальной самостоятельности, но и нанесло сокрушительный удар по малайской идентичности. А ее сохранение требует борьбы³.

Конфликт между малайцами и таи, с одной стороны, является традиционным конфликтом, возникающим между народами, среди которых один этнос занимает доминирующее положение, а другой находится в зависимом бесправном положении. С другой стороны, этот конфликт обладает специфической особенностью, которая и придает ему остроту. Национальные противоречия усиливаются благодаря наличию религиозных различий. Национальная борьба малайцев ведется под религиозным флагом.

Эволюция малайско-мусульманского сепаратизма

Сепаратистское движение малайских мусульман берет начало с конца 40-х гг. XX в., когда правительство Таиланда приступило к проведению политики их насильственной «таизации»,

насаждая тайский язык, буддизм и усиливая государственный административный контроль над южными провинциями⁴. Это привело к росту националистических настроений у части малайско-мусульманской общины, выступившей с требованием самоопределения.

Их выразителем был Хаджи Сулонг, видный религиозный деятель, который сформулировал следующие требования: назначить верховного комиссара для управления южными провинциями на правах муфтия; использовать все денежные доходы государства, получаемые на Юге, для развития южных провинций; обеспечить полную свободу религии; признать малайский язык в качестве государственного в южных провинциях наравне с тайским; назначить малайцев-мусульман на 80% штатных мест в аппарате местного управления; передать управление религиозными делами местным органам, образованным из служителей исламской религии. Им же должно быть присвоено право сбора церковной десятины [Исвольский 1965, с. 183].

Стремление к независимости стало все глубже проникать в малайское общество и явилось его ответной реакцией на ухудшение экономического положения и на дискриминационную политику правительства. Не получив политического разрешения⁵, конфликт между малайско-мусульманским меньшинством и государством принял форму вооруженного противостояния с участием широких масс местного населения. Отряды восставших, во главе которых стояли представители духо-

3 Marwaan Macan-Markar (2014) In Thailand's Deep South, Teaching Is a Dangerous Profession // Nikkei Asian Review, September 12, 2014 // <https://asia.nikkei.com/Economy/In-Thailand-s-deep-south-teaching-is-a-dangerous-profession>, дата обращения 14.12.2020.

4 Мусульманские законы в отношении брака и семьи стали подменяться буддийскими, было запрещено носить саронг, традиционную одежду малайцев, которая заменялась европейской, даже жевание бетеля и то преследовалось. От мусульман стали требовать, чтобы они забыли родной язык, обычаи и вековые традиции.

5 В 1948 г. тайское большинство парламента отвергло представленный малайской фракцией законопроект об автономии.

венства, совершали налеты на местные учреждения госаппарата, организовывали поджоги железнодорожных мостов. Лидеры этого движения выступали за определенную автономию четырех южных провинций. Правительство жестоко подавило вспышку недовольства в южных провинциях. Хаджи Сулонг и его сторонники из числа местного духовенства были арестованы.

Отношения между правительством и малайцами обострились и грозили перерасти в затяжной конфликт, что заставило власти Таиланда пересмотреть свою национальную политику и пойти на некоторые уступки. В высшую администрацию южных районов стали назначаться лица, изучавшие шариат и малайские обычаи. Вместо субботы официальным выходным днем была объявлена пятница, малайцам было разрешено носить национальную одежду в правительственных учреждениях, их стали принимать на службу в полицию и армию. Были сделаны уступки в области образования. В государственных школах южных провинций было введено преподавание малайского языка – один урок в день, отводилось время и на изучение ислама (раньше говорить по-малайски считалось зазорным, а детей в обязательном порядке учили буддизму по учебникам). С 1950 г. в Бангкоке работает мусульманский колледж.

Однако формально провозгласив свободу вероисповедания, предоставив малайцам автономию в решении религиозных вопросов, выделив деньги на строительство мечетей, разрешив им изучать родной язык, правительство все же не решило основных проблем, вызывавших недовольство местного населения. Прикрываясь красивыми словами о соблюдении интересов малайцев-мусульман, оно не отказалось от своих планов интегрировать их в состав тайской нации с тем, что-

бы в будущем они стали «настоящими» тайландцами.

Эта цель достигается различными средствами: усилением государственного контроля над районами проживания южных мусульман, подавлением их национальных выступлений, распространением тайской культуры и тайского языка, навязыванием им буддизма. Суть политики тайландского правительства в отношении малайского населения может вестись в простую формулу «контролируй и властвуй». При этом наибольшую тревогу у малайцев как прежде, так и сегодня вызывает фактически полное отсутствие их соотечественников в административном аппарате, что ограничивает их возможности участвовать в управлении регионом. Отсюда и требование самоопределения и получения независимости.

Таким образом, побудительный мотив для роста сепаратистских настроений у малайских мусульман Таиланда сохранялся, что способствовало активизации их протеста с конца 1960-х гг., когда резко ухудшилось их экономическое положение (главным образом по причине снижения мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, производимую в регионе, – морепродукты и каучук), а правительство под предлогом борьбы с бандитскими группировками значительно увеличило численность полицейских и арамейских подразделений в южных провинциях. В правящих кругах страны было принято считать любую форму протеста мусульман проявлением их сепаратистских настроений, и все мусульмане, независимо от того, выступали ли они за культурно-религиозную автономию или требовали отделения четырех провинций от Таиланда, механически зачислялись в лагерь сепаратистов, которых, однако, официально было принято именовать бандитами.

Малайские мусульмане использовали различные формы протеста: они отказывались платить налоги и устраивали демонстрации протеста против незаконных действий тайской администрации, подавали правительству петиции или брались за оружие. Среди мусульманских лидеров национального движения не было единства во взглядах относительно целей, методов и форм борьбы. Некоторые из них выступали за отделение четырех южных районов Таиланда и объединение их с Малайзией и Индонезией в одно государство. Другие мечтали о создании самостоятельного государства, включающего исламизированные районы Таиланда и провинцию Келантан, а возможно, и провинцию Перлис, входящие в состав Малайзии. Третьи выступали за формирование самостоятельного независимого государства только из жителей таиландских провинций Наративат, Яла и Паттани. Наконец, четвертые хотели получить административную и культурно-религиозную автономию, оставаясь в границах таиландского государства. Многочисленные националистические группировки малайцев то появлялись на политической арене, то исчезали. В общей сложности в начале 1970-х гг. в малайских провинциях действовало около 20 разрозненных малочисленных организаций, некоторые из них насчитывали не более 100 человек. Они конкурировали между собой за влияние в массах, а их выступления носили спорадический характер.

Малайско-мусульманское протестное движение в 1960–1990-е гг. распалось на два направления. Одно было представлено так называемыми лоялистами, или буржуазно-либеральными

группами, заинтересованными в стабилизации политического и экономического положения на юге. Они выступали против идеи отделения четырех провинций и создания самостоятельного государства, считая, что этот шаг не только нежелателен, но и невозможен. Стремясь к соглашательству и сотрудничеству, эти группы местной крупной и средней буржуазии тем не менее обвиняли таиландское правительство в нежелании развивать местную промышленность и инфраструктуру; они выступали за справедливое распределение доходов по всем провинциям страны.

Второе направление было представлено сторонниками отделения южных провинций, которые в течение ряда лет формировали костяк организации Barisan Nasional Pembebasan Patani – BNPP (Национальный Фронт освобождения Патани)⁶. Созданная в 1947 г., она объединяла в своем составе сепаратистов из числа крупных землевладельцев и мусульманских религиозных лидеров, которые считали своим долгом освобождение мусульманских провинций из-под власти тай-буддистов и создание самостоятельного государства «Великий Патани»: При этом борьба за него стала вестись под флагом священной религиозной войны против иноверцев (буддистов-тай) и в начале 1980-х гг. приняла форму вооруженного сопротивления.

После сокрушительного удара, нанесенного таиландской армией по повстанческим силам BNPP⁷, значительно укрепились позиции другой воинствующей сепаратистской организации – Patani United Liberation Organization – (PULO, Объединенная организация освобождения Патани),

6 Считается одной из первых вооруженных повстанческих группировок малайских мусульман.

7 Некоторые из ее членов вошли в состав PULO, другие с 1986 г. находятся в эмиграции в Малайзии, но воюют на территории Таиланда под флагом Barisan Islam Pembebasan Patani (Исламский фронт освобождения Патани – Islamic Liberation Front of Patani, BIPP).

которая в конце прошлого века считалась самой крупной и влиятельной сепаратистской группировкой на юге Таиланда. Созданная в 1968 г. религиозным деятелем Тенгу Бира Котанила, она объединила разрозненные в организационном и политическом плане группировки с целью борьбы за создание независимого государства Патани любыми средствами, вплоть до вооруженного сопротивления. В 1980–1990-х гг. она насчитывала в своих рядах более 15 тыс. человек.

PULO имела четко налаженную структуру: возглавлялась комитетом лидеров, контролирующих работу низовых ячеек, члены которых не знали людей, стоящих наверху. Ступенчатый характер организации позволял сохранить секретность и боеспособность PULO, которая изначально пыталась сочетать ненасильственные действия с насильственными. Ненасильственная деятельность организации была связана с работой среди местного населения с целью повышения уровня его образования и формирования у него понимания своей этнонациональной идентичности. На имеющуюся в структуре организации Patani United Liberation Army (Объединенная армия освобождения Патани), действовавшую с территории Малайзии, была возложена ответственность по осуществлению вооруженной повстанческой борьбы. Приоритизация этой формы противодействия тайской власти у части членов PULO привела к расколу организации на две фракции – «старую» и «новую». Последняя представлена сторонниками исключительно насильственных форм борьбы за создание независимого государства Патани, которые образовали группировку под названием New PULO.

Доминирование сегодня в организации салафитов предопределяет и ее стратегический сдвиг от достижения

сугубо националистической цели возрождения Патани в сторону создания исламского халифата, чему способствует и преобладание в организации молодого поколения, имеющего связи с более радикально настроенными исламистскими группировками, которые подмяли под себя PULO.

В начале 2000-х гг. позиции PULO в сепаратистском движении ослабли, уступив их Barisan Revolusi Nasional (BRN – Национально-революционный фронт), самой воинствующей сепаратистской организации, которая действует на юге Таиланда еще с 1970-х гг. Она выделяется своей радикальной идеологией и формами борьбы. Еще в 1980-х гг. в результате возникших личных и политических разногласий среди ее лидеров организация распалась на три группировки (Coordinate, Congress, Ulama). Самой влиятельной на сегодня является BRN-Coordinate, которая придерживается тактики вооруженного сопротивления центральной власти. Ее идеологическими вдохновителями являются религиозные деятели, придерживающиеся салафитского учения, в корне отличающегося от идеологии исламского социализма, свойственного старому поколению сепаратистов. В 2005 г. она насчитывала в своем составе около 2 тыс. человек, но пользовалась поддержкой у 300 тыс. человек. BRN-Coordinate не имеет конструктивной программы действий. Ее главная цель – сделать территорию юга Таиланда неуправляемой, используя тактику нагнетания страха. Наибольшее число терактов за последние пятнадцать лет совершено ее хорошо обученными бойцами, входящими в состав военизированного подразделения Perjuangan Kemerdekaan Patani (Patani Freedom Fighters), которое, хотя и связано с BRN-Coordinate, но действует самостоятельно в деревнях и представлено молодым поколением сепаратистов.

Runda Kumpulan Kecil (RKK), одно из главных военных подразделений BRN, отличается особой жестокостью в осуществлении своей террористической деятельности. Боевики, в основном молодого возраста, последователи салафитского учения, совершают дерзкие нападения на солдат и гражданских лиц, устраивают поджоги, устанавливают взрывные устройства на дорогах и в местах скопления людей. А после совершения террористического акта скрываются на территории Малайзии. Хотя силами безопасности Таиланда были арестованы или уничтожены некоторые ее лидеры, тем не менее группировка не утратила своей воинственности. Ее засекреченность и высокая мобильность осложняют проведение против нее антитеррористических действий.

Gerakan Mujahidin Islam Patani (GMIP), подобно BRN, использует тактику террора для достижения своей цели – создания транснационального исламского халифата. Идеологически близка Аль-Каида.

Barisan Bersatu Mujahidin Patani (BBMP), также известная как Bersatu, была создана еще в 1989 г. с задачей превращения в головную организацию по координации повстанческих действий на юге. После ареста ее лидеров в 2004 г. перестала существовать как коалиция, но сохранилась как террористическая группировка [Рогожина 2016].

Эти террористические группы и составляют основу малайско-мусульманского сепаратизма, использующего преимущественно тактику партизанской борьбы против центральной власти (засады, похищение людей, саботаж, вымогательство, убийства, вооруженные нападения), которая активизировалась после 2004 г. как реакция на усиление репрессий со стороны правительства Таиланда.

Ситуация на Глубоком юге – терроризм на службе сепаратистов

С начала 1980-х гг. правительство Таиланда стало обращать большое внимание решению экономических и административных проблем на Глубоком юге страны в попытке ослабить антитайские настроения в местном обществе. Власти страны пообещали развивать экономику региона, выделить средства на улучшение профессионального образования малайцев. В 1981 г. был учрежден Центр управления южными приграничными провинциями (SBPAC), целью которого являлось обучение чиновников и полицейских малайскому языку и ознакомление их с традициями и культурой местного населения. Однако эта политика дала лишь временный результат, поскольку остались так и не решенными проблемы бедности и безработицы, не было увеличено представительство местного населения в органах управления, возможности для развития местного бизнеса оставались ограниченными. А пришедший к руководству страной в 2001 г. Таксин Чинават, взявший курс на ужесточение режима безопасности в регионе, упразднил SBPAC и передал полномочия по контролю за ситуацией полиции, которая «прославилась» своей жестокостью в подавлении сепаратистских настроений. Использование преимущественно силовых методов в пресечении антиправительственного протеста привело лишь к активизации воинствующих сепаратистов. Число терактов возросло с 75 в 2002 г. до 119 в 2003 г. [Chalk 2008]. А в 2004 г. было совершено одно из самых дерзких нападений на военную часть в провинции Наративат и захвачено боевиками более 360 единиц вооружения, что стало переломным этапом в развитии сепаратизма.

ратистской вооруженной борьбы малайских мусульман.

С января 2004 г. по апрель 2014 г. было совершено 17 тыс. нападений, в основном моджахедами PULO и BRN. По оценкам независимой организации Deep South Watch, в год взрывалось 280 бомб. За этот период времени было убито более 6 тыс. человек – больше, чем погибло в секторе Газа⁸. Сегодня эта цифра превысила 7 тыс. человек (ранено свыше 13 тыс. человек). Совершено более 20 тыс. терактов [Vikram Rajakumar 2016].

На пике вооруженной борьбы на юге Таиланда в ней принимали участие, по официальным данным, от 3 до 10 тыс. бойцов. Однако, согласно независимым источникам, число лиц, взявшихся за оружие и готовых оказать логистическую помощь повстанцам (сбор разведывательных данных, разработка маршрутов отступления бойцов и т. п.), варьировалось в пределах 100–300 тыс. человек [Kurlantzick 2016, p. 4]. Сепаратисты пользовались поддержкой мусульманских организаций Ближнего Востока, которые обеспечивали их денежными средствами и осуществляли военную подготовку участников националистического движения.

В самом сепаратистском движении за последние 15 лет произошли заметные изменения в его организации и идеологии. Практически полностью отказавшись от политической деятельности, сепаратисты сконцентрировались на осуществлении актов террора. Они действуют небольшими группами, состоящими из трех-четырех человек, которые образуют более расширенное формирование из 15–18 человек, так называемых *juwae* (бойцы), в возрасте 16–21 года [Jihadism in Southern

Thailand 2017]. В прошлом сепаратисты были объединены в сеть подпольных ячеек, которые имели иерархическую структуру построения. Однако сегодня, несмотря на формальную принадлежность к головной организации, эти ячейки функционируют практически автономно, независимо друг от друга, не имея единоначалия и четких политических целей [Liow, Pathan 2010]. Решения по поводу выбора цели теракта принимаются на уровне ячейки. Скоординированные атаки совершаются достаточно редко. Но встречи лидеров (*pemimpin*), которые контролируют пять-шесть низовых структур, происходят регулярно – каждые два месяца, чтобы определить тактику действий.

Децентрализация терроризма не означает ослабления его угрозы. Подобная организационная структура не исключает возможности быстрой мобилизации террористических ячеек для совершения запланированных операций и в то же время осложняет проведение против них контртеррористических операций. Придерживаясь тактики партизанской войны, боевики сохраняют прочные связи с общиной, откуда они родом. В каждой деревне и даже в тех, которые считаются «миролюбивыми», имеются *juwae*. Они, по признанию старшего поколения боевиков, действуют более решительно и смело.

На смену националистически настроенным сепаратистам пришло новое поколение, выросшее в период активизации терроризма как локального, так и международного. Борьба за независимость определяется молодыми бойцами как джихад, участвовать в котором является обязанностью каждого мусульманина, а сами себя они именуют моджахедами. Они воспринима-

8 Winn P. (2014) Red Light. Jihad: Islamic Insurgency in Thailand's Strangest Party Town // Global Post, December 8, 2014 // <https://www.pri.org/stories/2014-12-08/red-light-jihad-islamic-insurgency-thailand-s-strangest-party-town>, дата обращения 15.09.2020.

ют джихад как войну против кафи́ров – тайцев – с целью воссоздания исламского государства Патани⁹. Повстанцы прибегают к религиозному лексикону для легитимизации своих насильственных действий против несправедливого порядка, навязанного им тайцами [Liow, Pathan 2010]. Как отмечает Л.Р. Полонская, «обращение к исламу является важнейшим средством национальной консолидации, наиболее доступной сознанию масс формой выражения национального протеста» [Полонская 1982, с. 135].

Многие представители старшего поколения сепаратистов с озабоченностью наблюдают за тем, как происходит сдвиг в сознании и настроении их более молодых «соратников», придерживающихся идеологии дикого джихада. Многие из них получили религиозное обучение в медресе в Пакистане и прошли военную подготовку в лагерях Талибан. Старшее поколение сепаратистов не разделяет салафитские взгляды молодых бойцов, считая, что это религиозное учение противоречит этно-исламской идентичности малайцев¹⁰.

Но раскола в движении нет. Старшее поколение признает за молодым лидерство и высоко оценивает его воинствующий настрой. Соппротивление властям Таиланда, которое раньше было окрашено в националистические оттенки, сегодня приняло религиозный характер в немалой степени из-за радикализация молодежи, которой они подвергаются в мусульманских учебных заведениях, являющихся и основ-

ным центром вербовки воинствующих сепаратистов.

По мнению тайландской администрации, повсеместное распространение светского обучения является единственным средством мирной и безболезненной интеграции малайцев в состав господствующей тайской нации. Государственные школы стали создаваться в районе еще в 1930–1940-х гг. Но поскольку учителями в них были буддисты, а в классах было запрещено преподавание малайского языка, большинство по-прежнему получало религиозное образование в местных исламских школах при мечетях и молельнях – пондоках, где ученики изучают арабский язык, исламскую теологию, знакомятся с историей и географией Патани¹¹. Эта практика сохраняется до настоящего времени, и пондоки представляют серьезную конкуренцию светским государственным школам.

Часть пондоков контролируется BRN. Рекрутами будущих боевиков выступают их религиозные наставники, которые отбирают молодых людей: набожных, впечатлительных и проворных. Те ученики, которые проявляют восприимчивость к националистической идее, приглашаются к участию в сепаратистском движении после предварительной военной подготовки в засекреченных лагерях, находящихся в джунглях. Однако вербовка сторонников вооруженной борьбы не ограничивается пондоками – происходит она и в общественных местах, например в чайханах, или во время групповых собраний в деревне.

9 Walker L.J. (2010) Southern Thailand and Islamization // <https://islamicpersecution.wordpress.com/2010/05/19/southern-thailand-and-islamization/>, дата обращения 14.12.2020.

10 Hunter M. (2020) The Changing Nature of Thailand's Deep South Insurgency – Analysis // Eurasia Review, March 24, 2020 // <https://www.eurasiareview.com/24032020-the-changing-nature-of-thailands-deep-south-insurgency-analysis/>, дата обращения 14.12.2020.

11 В исламскую школу поступают восьмилетние дети; они живут несколько лет вместе с учителями. Школа представляет собой дом мусульманского учителя, вокруг которого стоят хижины учеников. В пондоке учатся до 500 учеников, в зависимости от квалификации и авторитета наставника. Учитель не берет платы, учащиеся сами готовят еду, выращивают овощи и рис, чтобы прокормить себя. Срок обучения – 15–20 лет.

Беднейшие слои населения, обездоленные малайские крестьяне нередко присоединяются к сепаратистским группировкам всей семьей. Сепаратисты охотно принимают в свои ряды всех недовольных тайской администрацией. Неудивительно, что в движении много случайных людей, в т. ч. бандитов и тех, кто присоединился к движению не из-за принципов, а по чисто личным мотивам. Их, несмотря на социальную разнородность и противоречивость политических убеждений (или отсутствие таковых), объединяет одно – ненависть к чиновникам тай, которые, по их мнению, своими действиями и беззаконием доводят людей до нищеты и голода. В некоторых случаях сепаратисты, по их признанию, вынуждены похищать и убивать мусульман с тем, чтобы заставить других сотрудничать с ними [Suhrke 1977, p. 244]. На мусульман умеренного толка, которых они считают «коллаборационистами и предателями», приходится, согласно оценкам Deep South Watch, 60% жертв террора¹². Действуя под лозунгом восстановления Патани, джихадисты убивают не только солдат, но и буддийских монахов, учителей.

Теракты, убийства мирного населения стали для воинствующих сепаратистов средством демонстрации своей способности вести затяжную партизанскую вооруженную борьбу. Несмотря на определенный спад активности (если судить по числу жертв терактов, которые сократились с 892 человек в 2007 г. до 218 в 2018 г.), вооруженные группировки воинствующих сепаратистов остаются угрозой безопасности для страны и вызовом для власти, которая до последнего времени относилась к ним как к бандитским группировкам. Вопреки

устоявшемуся во властных кругах мнению, что ослабление террористической активности сепаратистов является проявлением их отчаяния вследствие утраты социальной базы (благодаря успешной политике правительства по завоеванию поддержки местного населения), очевидно другое – террористы становятся более искусными и более подготовленными для организации и осуществления терактов [Thailand 2012].

Появление ИГИЛ и распространение ее влияния в мусульманских странах ЮВА породило много вопросов у экспертного сообщества относительно возможной связи местных джихадистов с международным терроризмом, что могло вывести этнорелигиозный конфликт на новый уровень обострения и способствовать его интернационализации. События последних шести лет говорят об обратном. Несмотря на то, что не исключается вероятность привлечения отдельных радикально настроенных местных исламистов в ряды сторонников ИГИЛ, в целом малайско-мусульманские сепаратисты-джихадисты предпочитают дистанцироваться от этой международной террористической организации.

Джихадисты, действующие на юге Таиланда, считают себя в первую очередь борцами за национальное освобождение малайских мусульман из-под контроля Таиланда, избегая в то же время транснационализации конфликта по ряду причин. Во-первых, поддержка международного терроризма в лице ИГИЛ может привести к ослаблению социальной базы местных сепаратистов. Грубое насилие, свойственное ИГИЛ, не поддерживается консервативно настроенной местной общи-

12 Srisompob Jitpiromsri (2014) An Inconvenient Truth about the Deep South Violent Conflict: A Decade of Chaotic, Constrained Realities and Uncertain Resolution // Deep South Watch, February 7, 2014 // <https://deepsouthwatch.org/en/node/5904>, дата обращения 15.09.2020.

ной, которая к тому же исповедует отличные от сторонников ИГИЛ религиозные учения ислама. Как отметил один из наставников учащихся пондока в Патани, «наши люди, может быть, не получают образования в современном формате, но имеют непоколебимое понимание своей веры» [Chalk 2008].

Во-вторых, лидеры местных группировок воинствующих сепаратистов видят в ассоциации с международными терроризмом угрозу для достижения своей цели по самоопределению Патани. В-третьих, в случае транснационализации конфликта BRN может утратить свои доминирующие позиции в движении. Как пишет журнал *The Diplomat*, «по крайней мере, сегодня повстанцы, действующие на юге Таиланда, испытывают такую же неприязнь к исламистам и террористам, как властные круги Бангкока, Манилы, Нейпидо и Вашингтона»¹³.

Однако, несмотря на сохранение конфликта в локальном виде, его затяжной характер, имеющий серьезные экономические и политические последствия и связанный с немалыми человеческими жертвами, ставит перед правительством Таиланда задачу по поиску путей его урегулирования.

Реакция тайландских властей на сепаратизм малайских мусульман

Традиционно политика правительства в отношении малайско-мусульманского меньшинства сочетала в себе элементы мягкой и жесткой силы, чередуя репрессии с уступками, но не упу-

скавая из виду главную цель – интегрировать малайских мусульман в тайландскую политическую и экономическую систему. Правда, ее достижение осложнялось отсутствием разработанной программы действий в силу непоследовательности позиции властей в отношении Глубокого юга.

И если в 1980–1990-х гг., благодаря осуществлению мер по стимулированию экономического развития малайско-мусульманских провинций, удалось снизить уровень активности группировок воинствующих сепаратистов, то ужесточение репрессивных мер в бытность правления Таксина Чинавата в начале 2000-х гг. привело, наоборот, к расширению их вооруженного сопротивления. В трех южных провинциях было введено чрезвычайное положение (действует и сегодня), сопровождающееся массовыми арестами и убийствами малайских мусульман под предлогом борьбы с бандитскими группировками. В этих районах было размещено более 60 тыс. солдат – один на каждые 30 жителей. Они постоянно совершали рейды в деревни под любым предлогом и задерживали подозреваемых в причастности к сепаратистскому движению, размещая их в специально созданных лагерях. Однако это не привело к снижению уровня террористической угрозы, а, наоборот, способствовало ее росту. По данным правозащитной организации Cross Cultural Foundation, с 2004 по 2008 г. около 5 тыс. малайских мусульман были задержаны и содержались в заключении на основании закона о чрезвычайном положении. Среди них были и мусульманские учителя, обвиненные в поддержке терроризма¹⁴.

13 Bodetti A. (2017) Will Southern Thailand Turn to Jihad? // *The Diplomat*, November 20, 2017 // <https://thediplomat.com/2017/11/will-southern-thailand-turn-to-jihad/>, дата обращения 15.09.2020.

14 Mark E. (2018) Understanding the Terrorism Threat in Southern Thailand // *Today*, June 7, 2018 // <https://www.todayonline.com/commentary/understanding-terrorism-threat-southern-thailand>, дата обращения 15.09.2020.

Ухудшение политической обстановки на юге в сочетании с обострением проблемы неравенства, безработицы и наркомании, особенно среди малайско-мусульманской молодежи, побудили демократически избранное в 2011 г. правительство Йинглак Чинават отказаться от исключительно силовых методов подавления сепаратизма и разработать новую программу по стимулированию экономики южных провинций на период 2012–2014 гг. Ответственность за ее реализацию была возложена на возрожденный орган SBPAC, который получил финансирование на поддержку различных программ, направленных на повышение уровня жизни местного населения с целью сокращения социальной базы терроризма/сепаратизма. Однако отсутствие опыта в реализации этих проектов ограничивало возможности по раскрытию всего экономического потенциала региона. Оставались нерешенными проблемы наркомании и безработицы среди молодежи, что порождало недовольство местного общества действиями правительства.

Правительство Йинглак Чинават, столкнувшись с неудачей в завоевании доверия местного населения, выступавшего за создание системы самоуправления в южных провинциях¹⁵, в 2013 г. приступило к переговорам с BRN по урегулированию конфликта. Власти страны, несмотря на противодействие со стороны армии, готовы были рассмотреть вопрос об учреждении здесь специальной административной зоны и предоставить жителям южных районов автономию.

Требования BRN к правительству сводились к следующему: вывод тай-

ландских сил безопасности из трех южных провинций; освобождение из тюрем всех задержанных повстанцев; привлечение к участию в переговорах Организации исламского сотрудничества и АСЕАН. Однако базовым оставалось требование о признании Бангкоком суверенитета малайско-мусульманского населения над своей территорией: провинциями Патани, Наративат и Яла. BRN заявляла, что готова отказаться от идеи отделения южных провинций от Таиланда в пользу территориальной автономии.

Однако, несмотря на определенное сближение позиций двух сторон, переговоры не дали никаких результатов. Этому помешали два основных обстоятельства. Во-первых, в самом сепаратистском движении не было единства относительно необходимости участия в них, поскольку легитимность переговорных полномочий BRN-С ставилась под сомнение¹⁶. Во-вторых, резко осложнилась политическая ситуация в Таиланде, и в результате военного переворота в 2014 г. было свергнуто правительство Йинглак Чинават.

Приход к власти военных поставил под сомнение саму возможность возобновления переговорного процесса в силу их устоявшейся позиции по этому вопросу, которая сводилась к необходимости использования преимущественно силовых методов подавления сепаратистов. Опасалось того, что проведение официальных встреч с повстанцами приведет к повышению их политического статуса и укрепит их позиции.

И тем не менее сохраняющаяся напряженная ситуация на юге заставила правительство Прают-чан Оча пере-

15 Marwaan Macan-Markar (2014) In Thailand's Deep South, Teaching Is a Dangerous Profession // Nikkey Asian Review, September 12, 2014.

16 Thailand's Deep South Smoldering Imbroglio: Causes and Exit Strategies (2014) // Asia Peacebuilding Initiatives, January 15, 2014 // <http://peacebuilding.asia/thailands-deep-south-smoldering-imbroglio-causes-and-exit-strategies/>, дата обращения 15.09.2020.

смотреть свое отношение, которое пришло к мнению, что военные методы подавления сепаратизма не дают ожидаемого результата, а лишь способствуют усугублению конфликта. И с 2015 г. переговорный процесс возобновился. От лица сепаратистов на этот раз выступила зонтичная организация *Majlis Syura Patani*, (*MARA Patani*), в состав которой вошли представители *PULO*, *BIPP*, *BIMP* и *GMIP*, а также некоторые члены *BRN*. Встречи за закрытыми дверями проводились на территории Малайзии при ее посредничестве.

Представленная лидерами в эмиграции *MARA Patani* взяла на себя ответственность говорить от лица всех сепаратистов, хотя ее легитимность ставилась под сомнение *BRN*, самой влиятельной группировкой, практически отстранившейся от участия в переговорном процессе. Она поставила условием присутствия на них признание правительством Таиланда пяти ее основных требований, выдвинутых еще в 2013 г. Главными из них являются обеспечение суверенного права жителей провинции над своей территорией; присутствие на переговорах международных посредников и наблюдателей, что не устраивало тайландскую сторону, опасавшуюся внешнего вмешательства в конфликт, который она традиционно считает сугубо национальной проблемой. И чтобы заставить власть принять свою позицию, *BRN* активизировала террористическую деятельность.

Переговоры так и не стали платформой для согласований позиций сторон, каждая из которых сомневалась в искренности действий другой стороны, что препятствовало достижению консенсуса по поиску путей урегулирова-

ния конфликта. Переговоры то прерывались, то вновь возобновлялись. Сепаратисты так и не пришли к единому мнению относительно цели переговоров, а в действиях правительства они усматривают лишь желание затянуть время, чтобы собрать необходимую информацию о группировках, и работать на публику, создавая видимость своего активного участия в разрешении конфликта. Со своей стороны правительство Таиланда не готово идти на уступки в решении вопроса о децентрализации системы управления и предоставлении малайским мусульманам широкой автономии, на чем настаивают представители *MARA Patani*. К тому же тайландская сторона выражает сомнения в легитимности переговорных полномочий этой структуры как представителя всех сепаратистских организаций и в ее способности контролировать их деятельность. И хотя в ходе переговоров удалось прийти к согласию относительно создания безопасной от насилия зоны на юге страны, тем не менее это решение на практике не было реализовано, прежде всего в силу отсутствия на переговорах *BRN*, которая продолжала совершать теракты. И хотя правительство настаивало на капитуляции *BRN*, выдвигая это главным условием урегулирования конфликта¹⁷, тем не менее понимало, что без нее переговоры теряют смысл.

Поэтому решение о приглашении ее к участию в диалоге с тайландскими властями носило явно вынужденный характер. Однако начавшиеся в январе 2020 г. встречи двух сторон были прерваны из-за пандемии. Ситуация остается напряженной, но не безнадешной. Готовность власти к проведению пере-

17 Wheeler M. (2019) Behind the Insurgent Attack in Southern Thailand // Crisis Group, November 8, 2019 // https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/behind-insurgent-attack-southern-thailand?utm_source=Sign+Up+to+Crisis+Group%27s+Email+Updates&utm_campaign=50f5919e47-EMAIL_CAMPAIGN_2019_11_08_10_02&utm_medium=email&utm_term=0_1dab8c11ea-50f5919e47-359239185, дата обращения 15.09.2020.

говоров с BRN уже само по себе является началом мирного процесса урегулирования конфликта, в котором намечились определенные сдвиги. Согласие BRN на переговоры с тайской властью, прошедшие в январе 2020 г. за закрытыми дверями в Германии, можно расценить как уступку с ее стороны, в то время как правительство уступило в другом вопросе, на котором настаивали сепаратисты, – согласилось на приглашение международных наблюдателей из Германии и Швейцарии. Малайзия по-прежнему выступает в роли посредника.

Однако это не дает повода делать оптимистичные прогнозы относительно примирения сторон в ближайшее время. И не только потому, что переговоры были прерваны во время пандемии. Надежда на то, что наступит пауза в применении насилия, себя не оправдала. Военные продолжают осуществлять контртеррористические операции против воинствующих сепаратистов, которые, в свою очередь, периодически напоминают о себе терактами.

В то же время власти страны отдают себе отчет, что без экономического развития и до тех пор, пока сохраняются побудительные мотивы для недовольства местного населения действиями правительства, невозможно будет стабилизировать ситуацию на юге. Предусматривается уделить особое внимание развитию на местном уровне, наряду с осуществлением проектов по привлечению инвестиций, туризма и приграничной торговли, строительству шоссейных дорог и железнодорожных путей, созданию специальных экономических зон, реализации энергетических проектов¹⁸.

Планы по стимулированию экономического развития региона дополняются работой по вовлечению местного населения в проекты мирного строительства, осуществляемые при непосредственном участии организаций гражданского общества и Центра по управлению южными приграничными провинциями (SBPAC). Как отметил генеральный секретарь этой организации контр-адмирал Сомкьят Пхольпрайон, в основе реализации этой программы лежит концепция, предложенная предыдущим королем страны Пумипоном Адульядетом по достижению мира на Глубоком юге, суть которой сводится к тому, что развитие и стабильность первоначально должны быть обеспечены на локальном уровне за счет улучшения жизненного уровня местного населения¹⁹.

Позиция правительства остается расплывчатой, что дает повод усомниться в его готовности (по крайней мере, на сегодня) пойти на уступки в вопросе предоставления широкой автономии малайским мусульманам (вопрос о независимости никогда не рассматривался). Таиланд – унитарное государство, поэтому передача малайским мусульманам даже ограниченного суверенитета над своей территорией, по мнению властей, может подорвать основы государственного управления. Соответственно сохраняется причина, побуждающая сепаратистов отстаивать свои требования, поддерживаемые частью местного населения, недовольного злоупотреблениями тайских чиновников, относящихся неуважительно к местным традициям и языку.

18 Phusadee Arunmas (2019) Govt to Speed up Development in Deep South // Bangkok Post, July 21, 2019 // <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/1715983/govt-to-speed-up-development-in-deep-south>, дата обращения 15.09.2020.

19 Peacebuilding in Small Areas in the Southern Border Provinces (2020) // Public Relations Department, July 3, 2020 // https://thailand.prd.go.th/ewt_news.php?nid=9807, дата обращения 15.09.2020.

И это лишь укрепляет в малайских мусульманах убежденность в своей особой этнонациональной идентичности, защита которой является для них формой выживания в чуждой этнорелигиозной среде. Эти различия в культуре и религии воспринимаются местным населением с особой остротой в условиях снижения уровня его доходов (одни из самых низких в стране), роста безработицы и обострения проблемы бедности – неизбежные последствия экономической стагнации южных провинций Таиланда. В силу отсутствия инвестиций в экономику региона современная промышленность развита слабо, основная сфера занятости местного населения – работа на каучуковых плантациях и занятие сельским хозяйством и рыболовством. Однако говорить о наличии у сепаратистов широкой социальной базы для развития движения протеста не приходится. Многие местные жители все чаще начинают себя воспринимать двояким образом – представителями особой этнорелигиозной группы и одновременно гражданами Таиланда – следствие расширения интеграционных связей с другими районами страны и роста возможностей для получения светского образования. В то же время неравенство в экономических, политических и образовательных возможностях у разных групп малайско-мусульманского населения при преобладании сельских жителей в составе населения и отставании деревни от города в своем развитии создает почву для формирования радикальных взглядов у части местного населения, в основном сель-

ской молодежи, которая подвергается религиозной обработке в традиционных исламских учебных заведениях. Именно из этой среды и вербуются боевики сепаратистских группировок, использующих теракт как средство давления на власть, что, в свою очередь, ведет к ответным контртеррористическими действиям.

По мнению Захари Абуза, специалиста по проблемам безопасности, власти Таиланда не демонстрируют заинтересованности в мире. Они заявляют об этом, но для них мирные переговоры означают только капитуляцию BRN... При этом само правительство не готово ни к каким уступкам. Он считает, что в этом случае переговоры бесперспективны. Если правительство будет по-прежнему применять силу, то сепаратисты будут отвечать на нее терактами²⁰.

Может ли этот порочный круг быть разорван? Существует несколько вариантов развития ситуации. Скорее всего, можно предположить сохранение этнорелигиозного конфликта в состоянии статус-кво, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Вооруженные сепаратисты не хотят отказываться от борьбы, которая носит для них символический характер, хотя цифры говорят о том, что их активность снижается. С октября 2019 г. по май 2020 г. ими было совершено 46 терактов (для сравнения: в предыдущем году за тот же период времени – 141)²¹. Вряд ли они рассчитывают на скорую победу, но продолжают совершать акты террора, которые являются для них единственно доступной и привычной формой протеста. В сознании боевиков-джихади-

20 Quinley C. (2020) Thailand's Deep South Conflict, a 'Glimpse of Hope', but No Momentum to Sustain a COVID-19 Ceasefire // The New Humanitarian, August 3, 2020 // <https://www.thenewhumanitarian.org/news/2020/08/03/Thailand-deep-south-conflict-coronavirus-ceasefire>, дата обращения 15.09.2020.

21 Phaicharoen N., Ahmad M. (2020) Thai Deep South: Security Budget Faces Cuts over Reduced Violence, COVID-19 Concerns // Bengali News, July 12, 2020 // <https://www.benarnews.org/english/news/thai/security-spending-07132020143025.html>, дата обращения 15.09.2020.

стов поиски мира с Таиландом адекватны капитуляции. Что же касается правительства Таиланда, то оно до сих пор не имеет четкого плана урегулирования конфликта, продолжает опираться на силовые методы его разрешения.

Второй вариант развития ситуации более оптимистичный и предполагает достижение некоего консенсуса в позициях сторон. Надежду на это вселяет тот факт, что сепаратисты могут согласиться на получение широкой автономии, отказавшись от требования независимости. Решение этого вопроса остается за правительством Таиланда и в конечном итоге зависит от развития демократии в стране. Возможен вариант создания специальной административной зоны и предоставления малайским мусульманам большего контроля в решении вопросов, касающихся местного развития. Достижению мира на Глубоком юге требует поддержки населения, завоевать которую правительство может уважением традиций малайско-мусульманского населения, проведением реформы местного управления и вложениями в развитие региона. Задача непростая, но выполнимая. До тех пор, пока таиландское общество будет разделено на «мы» и «они», среда для произрастания малайского национализма сохранится.

Список литературы

- Искольдский В.И. (1965) Национальное движение в малайских районах Таиланда после второй мировой войны // Очерки из истории Юго-Восточной Азии. М.: Наука. С. 177–194.
- Полонская Л.Р. (1982) Причины активизации политической роли ислама на рубеже 80-х годов // Структурные сдвиги в экономике и эволюции политических систем в странах Азии и Африки в 70-е годы. М.: Наука.
- Рогожина Н.Г. (2016) «Исламское Государство» – угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. С. 5–14 // https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/5-14_Rogozhuna_.pdf, дата обращения 15.12.2020.
- Chalk P. (2008) The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand Understanding the Conflict's Evolving Dynamic // RAND Counterinsurgency Study // https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf, дата обращения 15.12.2020.
- Chayathip Weerakajorn (2019) Counterinsurgency in the Deep South of Thailand: A Continuing Failure? // Small Wars Journal, November 17, 2019 // <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/counterinsurgency-deep-south-thailand-continuing-failure>, дата обращения 15.12.2020.
- Jihadism in Southern Thailand: A Phantom Menace (2017) // The Crisis Group, November 8, 2017 // <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/291-jihadism-southern-thailand-phantom-menace>, дата обращения 15.09.2020.
- Kurlantzick J. (2016) A New Approach to Thailand's Insurgency. Discussion Paper // Council on Foreign Relations // https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2016/09/Discussion_Paper_Kurlantzick_Thailand_OR.pdf, дата обращения 15.09.2020.
- Liow J.Ch., Pathan D. (2010) Thailand's Shapeless Southern Insurgency. Confronting Ghosts // Lowy Institute Paper. No 30 // https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Liow_and_Pathan%2C_Confronting_ghosts_web_1.pdf, дата обращения 15.12.2020.
- Suhrke A. (1977) Loyalists and Separatists. The Muslim in Southern Thailand // Asian Survey, vol. 17, no 3, pp. 237–250. DOI: 10.2307/2643498

Thailand: The Evolving Conflict in the South (2012) // The Crisis Group Asia Report, December 11, 2012 // <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/thailand-evolving-conflict-south>, дата обращения 15.09.2020.

Vikram Rajakumar (2016) Insurgency in Southern Thailand: What Does ISIL's Black Flag of Pattani Portend // RSIS Commentaries. No 078-8 // <https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/10356/80219/1/CO16078.pdf>, дата обращения 15.12.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of the Malay Muslims

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhina N.G. (2021) The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of the Malay Muslims. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 176–193 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9

Received: 01.10.2020.

ABSTRACT. *The article examines the history of the development of the nationalist movement of Malay Muslims living in the south of Thailand, which is more than half a century old and is a demonstration of their identify in conditions of being in an alien and even hostile religious, cultural and ethnic environment and a form of protest against the government policy of forced assimilation. The desire of Malay Muslims for independence, which has taken the form of armed resistance to the central government, is a response to the marginalization of their economic and political position and to the discriminatory policy of the government. Separatism as an ideology of ethno-nationalism and as a political movement of Malay Muslims, which originated in the 1940s of the last century, has transformed in the last fifteen years*

into a religious jihad with an accompanying increase in violence. It is based on small groups of militant separatists recruiting their supporters from students of traditional Muslim schools. Having almost completely abandoned political activity, the separatists concentrated on carrying out acts of terror. With the emergence of ISIS and its attempts to create its base in the Muslim countries of Southeast Asia, a threat arose that a local conflict would develop into a transnational one. However, local jihadists, following the interests of self-survival and adhering to a nationalist ideology, show their distance from ISIS, avoiding involvement in the international terrorist movement. The author notes that despite the limited social base of terrorist separatist groups, the idea of independence remains widely demanded in local socie-

ty. The prolonged nature of the ethno-religious conflict poses the task to resolve it by Thai government. Attempts to suppress the separatism of Malay Muslims by force have been unsuccessful, which prompts the Thai government to look for political ways to resolve the conflict in the framework of the negotiation process with insurgent groups. However, differences in the positions of the parties on the hard core of the problem complicate reaching consensus. The author concludes that as long as Thai society is divided into “we” and “they”, the basis for the growth of Malay nationalism remains.

KEYWORDS: Thailand, Malay-Muslim minority, separatism, nationalist movement, terrorist groups

References

- Chalk P. (2008) The Malay-Muslim Insurgency in Southern Thailand Understanding the Conflict's Evolving Dynamic. *RAND Counterinsurgency Study*. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP198.pdf, accessed 15.12.2020.
- Chayathip Weerakajorn (2019) Counterinsurgency in the Deep South of Thailand: A Continuing Failure? *Small Wars Journal*, November 17, 2019. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/counterinsurgency-deep-south-thailand-continuing-failure>, accessed 15.12.2020.
- Iskoldsky V.I. (1965) National Movement in the Malay Regions of Thailand after the Second World War. *Essays on the History of Southeast Asia*, Moscow: Nauka, pp. 177–194 (in Russian).
- Jihadism in Southern Thailand: A Phantom Menace (2017). *The Crisis Group*, November 8, 2017. Available at: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/291-jihadism-southern-thailand-phantom-menace>, accessed 15.09.2020.
- Kurlantzick J. (2016) A New Approach to Thailand's Insurgency. Discussion Paper. *Council on Foreign Relations*. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/2016/09/Discussion_Paper_Kurlantzick_Thailand_OR.pdf, accessed 15.09.2020.
- Liow J.Ch., Pathan D. (2010) Thailand's Shapeless Southern Insurgency. *Confronting Ghosts*. *Lowy Institute Paper*. No 30. Available at: https://www.lowyinstitute.org/sites/default/files/pubfiles/Liow_and_Pathan%2C_Confronting_ghosts_web_1.pdf, accessed 15.12.2020.
- Polonskaya L.R. (1982) The Reasons for the Intensification of the Political Role of Islam at the Turn of the 80s. *Structural Shifts in the Economy and the Evolution of Political Systems in Asia and Africa in the 70s*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Rogozhina N.G. (2016) “Islamic State” – A Threat to the Security of the Countries of South-East Asia. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 2, pp. 5–14. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/5-14_Rogozhina_.pdf, accessed 15.12.2020 (in Russian).
- Suhrke A. (1977) Loyalists and Separatists. The Muslim in Southern Thailand. *Asian Survey*, vol. 17, no 3, pp. 237–250. DOI: 10.2307/2643498
- Thailand: The Evolving Conflict in the South (2012). *The Crisis Group Asia*, December 11, 2012. Available at: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/thailand/thailand-evolving-conflict-south>, accessed 15.09.2020.
- Vikram Rajakumar (2016) Insurgency in Southern Thailand: What Does ISIL's Black Flag of Pattani Portend. *RSIS Commentaries*. No 078-8. Available at: <https://dr.ntu.edu.sg/bitstream/10356/80219/1/CO16078.pdf>, accessed 15.12.2020.